

УДК 32.019.52

Константинов М. С.

Южный федеральный университет

344006, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, Российская Федерация

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

АННОТАЦИЯ

Цель. Критический анализ и концептуальная рецепция когнитивного направления в исследованиях политических идеологий.

Процедура и методы. В процессе исследования применялся концептуально-аналитический метод, позволивший на основе анализа ключевых научных текстов выявить базовые положения научной теории и/или методологии. Были проанализированы парадигмальные работы П. Рикёра, Дж. Б. Томпсона и М. Фридена.

Результаты. Показано, что в понимании идеологий произошёл существенный сдвиг от интерпретации этого феномена как средства искажения социальной реальности, маскировки конфликтов и противоречий, а также производства иллюзий, – к более сложной и многослойной трактовке идеологии как когнитивной матрицы группового сознания, как интерпретационного кода и символического инструмента установления и воспроизводства господства. Концептуализировано понятие идеологии в рамках когнитивного подхода.

Теоретическая значимость. Произведённая в статье систематизация основных концептуальных элементов когнитивного подхода к исследованию политических идеологий создаёт основу для более глубокой рецепции в отечественных социальных науках методологического инструментария указанного подхода и более адекватного представления о природе идеологий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

идеологический концепт, когнитивные исследования, методология исследования идеологий, морфология идеологий, политическая герменевтика, политическая идеология, теория идеологий

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта ЮФУ «Цифровой атлас политических и социально-экономических угроз и рисков развития Южнороссийского приграничья: национальный и региональный контекст» («Цифровой Юг») № СП-14-22-06.

СТРУКТУРА

Введение

Идеология в контексте герменевтики социального воображения: подход Поля Рикёра

Идеология как символический инструмент установления господства: подход Джона Брукшира Томпсона

Морфологический подход к исследованию политических идеологий Майкла Фридена

Заключение

M. Konstantinov

Southern Federal University

ul. Bolshaya Sadovaya 105/42, Rostov-on-Don 344006, Rostov Region, Russian Federation

COGNITIVE APPROACH IN THE STUDY OF POLITICAL IDEOLOGIES

ABSTRACT

Aim. Critical analysis and conceptual reception of the cognitive trend in the study of political ideologies.

Methodology. In the course of the study, a conceptual-analytical method was used, which made it possible to identify the basic provisions of scientific theory and/or methodology based on the analysis of key scientific texts. The paradigm works of Paul Ricoeur, John Brookshire Thompson and Michael Freeden were analyzed.

Results. It is shown that in the understanding of ideologies there has been a significant shift from interpreting this phenomenon as a means of distorting social reality, masking conflicts and contradictions, as well as producing illusions, to a more complex and multi-layered interpretation of ideology as a cognitive matrix of group consciousness as an interpretive code and a symbolic tool for establishing and reproduction of dominance. The concept of ideology within the cognitive approach was conceptualized.

Research implications. The systematization of the main conceptual elements of the cognitive approach to the study of political ideologies, carried out in the article, creates the basis for a deeper reception in the domestic social sciences of the methodological tools of this approach and a more adequate understanding of the nature of ideologies.

KEYWORDS

ideological concept, cognitive research, ideological research methodology, ideological morphology, political hermeneutics, political ideology, theory of ideologies

Acknowledgments. This research was supported by an SFedU project "Digital Atlas of Political and Socio-Economic Threats and Risks of Development of the South Russian Border Area: National and Regional Context ("Digital South")" No. SP-14-22-06.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день в сфере исследования идеологий сложился консенсус в том, что политическая идеология представляет собой один из самых сложных для изучения объектов социальных наук. Сам термин «идеология» был предложен французским философом и политическим деятелем А. Д. де Траси (1754–1836 гг.) в работе «Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова» (1800 г.) [4] и первоначально означал науку о рациональном исследовании человеческих идей. Однако, как справедливо заметил один из ведущих специалистов в области исследования идеологий Т. Иглтон, «понятие идеологии ... родилось в совершенно идеологических условиях: идеология определялась как часть рациональной политики, в отличие от иррационалистического варварства Террора» [17, р. 66]. В результате понятие идеологии было существенно дискредитировано, поскольку уже Наполеон I Бонапарт весьма язвительно употреблял этот термин применительно к

далёким от практики учёным мужьям, предпочитающим философскую заушь полезным открытиям прикладной науки, прежде всего военной. Не добавили авторитета термину «идеология» и последующие исследования в рамках марксистской традиции, представившей феномен идеологии в качестве иллюзорного (ложного) сознания, в котором находят своё преломление и легитимацию классовые противоречия [10], а также социологический подход К. Манхейма, связавшего идеологию со стилями мышления [9], и тем более – психологические исследования З. Фрейда, К.-Г. Юнга и В. Парето [11; 13; 26; 27].

Фактически вплоть до 70-х гг. XX в. идеологию представляли в качестве «кривого зеркала» человеческого мышления, искажающего групповые представления о реальности под воздействием тех или иных факторов (классовых, психологических, когнитивных, социальных, экономических и т. д.). В связи с этим появлялись неоднократные попытки провозгласить «конец идеологии» («эндизм») по причине всё большей рационализации процессов управления и политики; якобы в силу действия этого фактора отпадает необходимость обманывать людей посредством навязывания им ложных представлений о реальности. Один из последних рецидивов «эндизма» произошёл в 1960-х гг. и был связан с такими авторитетными именами в социальных науках, как Р. Арон, Э. Шилз, С. Липсет, Д. Белл и др. [1; 30; 7; 15]. И только в 1970-х гг. произошёл существенный сдвиг представлений об идеологии в сторону более позитивной её интерпретации в качестве «карты проблематичной социальной реальности и матрицы, по которой создаётся коллективное сознание» [3, с. 250]. Этот поворот к семиотическим, символическим, концептуальным, когнитивным и т. д. интерпретациям идеологии отразил всё более усложняющееся представление учёных об этом феномене [25]. В данной работе будет рассмотрен один из самых актуальных подходов к исследованию идеологий – когнитивно-концептуальный, позволивший решить целый ряд затруднений и противоречий, характерных для теории идеологий. Основной вклад в разработку когнитивно-концептуальной интерпретации идеологии был сделан в исследованиях П. Рикёра, Дж. Б. Томпсона и М. Фридена.

ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ: ПОДХОД ПОЛЯ РИКЁРА

Французский философ П. Рикёр на проблематику идеологии вышел в процессе изучения проблем человеческой личности, её целостности, ответственности человека перед культурой и историей, а также человеческой коммуникации [2; 8]. Поэтому в поле зрения развиваемой П. Рикёром философской герменевтики оказались вопросы этики, политики и идеологии. Наиболее известные работы, в которых П. Рикёр так или иначе касается соотношения этих вопросов: «Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике»

(1969 г.), «Идеология и утопия» (1986 г.) «Я-сам как другой» (1990 г.), «Справедливое» (1995 г.), «Герменевтика. Этика. Политика» (1995 г.) и др.

В своих исследованиях феномена идеологии П. Рикёр продолжает заложенную ещё К. Манхеймом традицию аналитического противопоставления идеологии и утопии [9], о чём, в частности, свидетельствует название курса лекций, прочитанных им в Соединённых Штатах в 1980-х гг. [14]. К этим двум категориям исследования феномена идеологии П. Рикёр добавил понятие социального воображения, в котором пересекаются и скрещиваются идеология и утопия. Ключевыми функциями социального воображения являются изобретение «необычного» и/или удвоения реального. В функциональном плане именно так и работает дистинкция утопии (в рамках которой «изобретается необычное» с целью критического переосмысления социального) и идеологии (по каналам которой реальность искажается с целью подкрепления и легитимации власти). Именно утопия «запускает» социальное воображение, пытаясь критически переосмыслить социальную реальность и представить альтернативные варианты этой социальности. Причём потенциально воображению утопии открыты любые сферы социальной реальности, будь то экономика, политика, демография, религия и т. д. Нет ни одного вопроса, который не могла бы поставить под сомнение и переосмыслить утопия посредством социального воображения. Совсем иначе обстоит дело с идеологией. Здесь также «работает» социальное воображение, но оно направлено не на разрушение существующего порядка, а на его сохранение, посредством интеграции социума и легитимации власти. В этом смысле идеология и утопия противопоставляются не только как стабилизирующая и подрывающая социальный порядок, но и как дополняющие друг друга репродуктивная (идеология) и продуктивная (утопия) стороны социального воображения.

Таким образом, ключом в рикёровской интерпретации идеологии является обнаруженная им связь между интегративной функцией идеологии и социальным воображением, которое, в свою очередь, восходит к марксовой идее идеологического искажения реальности, но переосмысленной в позитивном ключе: «В понятие «идеологии» не следует вкладывать только тот уничижительный смысл, который придавал ему Маркс и который ассоциируется у нас с искажением реальности под влиянием завуалированных классовых интересов. Негативный аспект идеологии должен рассматриваться как частичная характеристика более общей и вместе с тем более позитивной её концепции» [29, р. 44].

Соответственно, феномен идеологии анализируется П. Рикёром на трёх уровнях: фальсифицирующем, легитимирующем и интегративном. Эти уровни взаимосвязаны в функциональном плане: «функция интеграции находит своё продолжение в функции легитимации, а функция легитимации – в функции искажения» [28, р. 381]. На первом уровне происходит описанное ещё К. Марксом искажение социальной реальности, её фабрикация с целью

сокрытия / утаивания неприглядных сторон этой реальности. На втором уровне осуществляется функция легитимации власти при помощи создания и соотнесения с социальными ценностями неких оправдывающих власть концептов вроде теории общественного договора или божественного происхождения монархической власти. Наконец, на третьем – самом глубинном и фундаментальном – уровне реализуется интегративная функция, порождающая собственно идеологическую специфику. Социальная интеграция осуществляется посредством воспроизводства символически знаковых памятных событий, конституируя социальную память, а через неё – идентичность представителей данного сообщества. Выстраивая особым образом символическую структуру социальной памяти, идеология формирует интерпретационный код – модели объяснения и воспроизводства социальной реальности, а также место в этой реальности конкретного индивида.

Таким образом, согласно П. Рикёру:

- при анализе идеологий необходимо изучение социального контекста;
- при анализе идеологий необходимо выяснение механизмов, посредством которых идеологические смыслы служат установлению господства;
- идеология представляет собой интерпретационный код, легитимирующий власть;
- идеология выполняет интегративную функцию посредством искажения символической социальной реальности.

ИДЕОЛОГИЯ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ УСТАНОВЛЕНИЯ ГОСПОДСТВА: ПОДХОД ДЖОНА БРУКШИРА ТОМПСОНА

Предложенный П. Рикёром подход получил дальнейшее развитие в трудах британского социолога, специалиста в области идеологий Дж. Б. Томпсона. Так же, как и П. Рикёр, Дж. Б. Томпсон на проблему идеологии вышел из философской герменевтики. Под влиянием герменевтики П. Рикёра написана первая крупная работа Дж. Б. Томпсона «Исследования по теории идеологий» (1984 г.) [31]. Другим определяющим источником стала социология коммуникаций, в рамках которой Дж. Б. Томпсон занимался изучением роли массмедиа в политической жизни современных обществ. Поэтому одна из самых известных его работ в области идеологий называется «Идеология и современная культура: критическая социальная теория в эпоху массовых коммуникаций» (1990 г.) [32].

Эти два ключевых источника привели Дж. Б. Томпсона к пониманию необходимости исследования процесса идеологизации символических форм, производимых конкретными структурами социальных отношений. В этом контексте идеология понимается как «способы того, как символические формы взаимосвязаны с отношениями власти ... Таким образом, изучение идеологии предполагает анализ того, как значение и смысл служат установлению

и поддержанию отношений доминирования» [32, р. 265]. Идеологии, согласно Дж. Б. Томпсону, содействуют доминированию в тех случаях, когда превращают символические феномены (от повседневных разговоров до культурно значимых образов и текстов) в идеологические. При этом искажение реальности («ложное сознание») отнюдь не является атрибутом этих идеологизированных символических форм.

Свою функцию поддержания господства эти превращённые формы осуществляют не только за счёт собственной ложности и/или иллюзорности. Дж. Б. Томпсон признаёт частичную правоту К. Маркса в выявлении влияния классовых отношений на искажение интерпретационных кодов социальной реальности. Однако, как подчёркивает Дж. Б. Томпсон, классовый конфликт и его отражение в идеологизированных символических формах является частным случаем гораздо более сложного и многоаспектного процесса. Отношения господства в современных обществах гораздо более разнообразны и не сводятся к классовому, но включают этнический, гендерный, половой, возрастной и другие аспекты. При таком понимании феномена господства и его связи с идеологией выясняется, что превращённые символические формы сами «оказываются включёнными в процесс конституирования социальных отношений как таковых» [32, р. 264]. А идеология представляет собой многообразные пути и способы мобилизации значения посредством символических форм с целью установления и поддержания господства.

Как можно заметить, Дж. Б. Томпсону удалось ухватить очень важное свойство символических форм, которое ускользало от внимания исследователей как марксистской, так и манхеймовской интеллектуальных традиций: в различных контекстах одни и те же символические формы могут быть идеологическими или же совершенно нейтральными (например, теории общественного договора или прав человека могут выступать в роли легитимирующих сложившиеся отношения господства в одном из демократических государств, и играть прямо противоположную – дестабилизирующую – роль в государстве авторитарном). Так становится явным искусственный характер дистинкции идеологии и утопии, проводимой К. Манхеймом, П. Рикёром и другими исследователями. С другой стороны, лишённым оснований оказывается также и марксистское искусство заподозривания любых символических форм на предмет их идеологизированности. У Дж. Б. Томпсона понятие идеологии оказывается предельно расширенным, охватывающим даже повседневные отношения между людьми, если они воспроизводят отношения господства. Но это расширение чуждо марксистской логике. Дж. Б. Томпсон совершенно иначе, нежели марксисты, объясняет причины и характер этого расширения.

В числе таковых причин Дж. Б. Томпсон называет тотальную медиатизацию современной культуры: именно медиатизация «должна служить главной системой координат, в рамках которой сегодня следует анализировать

идеологию» [32, р. 265]. Тем самым отвергается широко распространённая интерпретация идеологии как секуляризованной и рационализированной гражданской религии, которая порождала конфликт между наблюдаемой и фиксируемой социологами [16] гетерогенностью идеологизированного массового сознания и логической упорядоченностью «книжных» идеологий. Напротив, как показывает Дж. Б. Томпсон, идеологические концепты потому и проникают в самую глубину сознания индивида и во многом обуславливают его действия, что их распространяет медиатизированная культура (а не только СМИ), пронизывающая во всю глубину сознание представителей современных обществ. Разумеется, СМИ наиболее активно порождают и распространяют идеологизированные символические формы, однако воспроизводятся эти формы в самой глубинной повседневной коммуникации, что не только делает их устойчивыми и самоочевидными способами воспроизводства господства, но и не позволяет сводить их действие к фабрикации и лжи, чем «грешили» многие марксистские исследователи идеологий.

Согласно Дж. Б. Томпсону, искажение и/или сокрытие – лишь один из пяти ключевых способов, посредством которых оперирует идеология: легитимации, сокрытия, унификации, фрагментации и реификации. В первом случае идеология стремится создать представление о легитимности существующих отношений господства. Во втором – скрыть их, размыть («заблюрить»), затуманить и/или отвлечь от них внимание. Третий способ оправдания господства стремится к стиранию различий между индивидами во имя создания представления о некоем единстве, на базе которого формируется коллективная идентичность, от имени которой осуществляется господство. Четвёртый способ действует прямо противоположным образом: посредством фрагментации общества с целью ослабить оппозицию доминирующим группам, в соответствии с хорошо известным принципом «разделяй и властвуй». Наконец, пятый способ следует принципу «всегда так было», представляя отношения господства в качестве «естественных» и вневременных. Причём, как специально оговаривается Дж. Б. Томпсоном, богатство способов оперирования идеологии отнюдь не сводится к пяти перечисленным, они лишь наиболее распространённые, на самом же деле таких способов потенциально бесконечное количество. Каждому из названных пяти способов соответствуют некоторые типичные стратегии символического конструирования:

- легитимации соответствуют стратегии рационализации, универсализации и нарративизации; в первой стратегии логически обосновывается справедливость существующих отношений господства, во второй – их соответствие «общечеловеческим», «всеобщим» и другим практикам, в третьей – их укоренённость в историческом нарративе данного общества;

- сокрытие использует стратегии замещения, эвфемизации и тропов; в первом случае применяется подмена терминов с целью перенести на объект

коннотации другого объекта, во втором – посредством эвфемизмов усиливается положительный или нивелируется отрицательный акценты, в третьем – отношения господства скрываются посредством применения метафоры, синекдохи и метонимии;

– унификация сочетается со стандартизацией и символизацией единства; в первой стратегии символические формы адаптируются к некоему стандарту, продвигаемому в качестве эталона (например, правила национального языка), во второй – создаются символы единства, коллективной идентичности и т. д. с целью продвижения их среди членов социальной группы (национальные флаги, гимны и т. д.);

– фрагментации соответствуют дифференциация и исключение; в первой стратегии используется усиление акцента на различиях внутри группы, во второй – формирование образа врага с целью объединения группы перед лицом внешней опасности;

– реификация использует стратегии натурализации, погружения во вневременное состояние; при реализации первой стратегии социальное разделение и господство представляется как «естественно» возникшее и/или воспроизводящееся в силу «естественных» причин, при реализации второй активно формируется внеисторический характер происходящих явлений, их неизменности и регулярности.

Таким образом, в концепции идеологии, предложенной Дж. Б. Томпсоном, можно выделить следующие элементы:

- идеология как символический инструмент установления господства;
- исследование способов конструирования смысла;
- изучение социального контекста;
- выяснение механизмов, посредством которых идеологические смыслы служат установлению господства.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ МАЙКЛА ФРИДЕНА

Пожалуй, наибольший вклад в развитие когнитивно-концептуального подхода к идеологиям сделал британский политолог и философ М. Фриден [12], разработавший метод исследования идеологических структур, названный им «морфологическим анализом идеологий». Наибольший интерес в этом – методологическом – плане представляют несколько трудов М. Фридена: статья «Политические концепты и идеологическая морфология» (1994 г.) [19], монография «Идеологии и политическая теория: концептуальный подход» (1996 г.) [20], учебник «Идеология: очень краткое введение» (2003 г.) [21]. А с точки зрения иллюстрации применения данного подхода – работа «Новый либерализм: идеология социальных реформ» (1978 г.) [18], в которой на материале истории возникновения «нового» либерализма показано, как

происходившие в массовом сознании сдвиги отразились на морфологической структуре либеральной идеологии. На сегодняшний день морфологический подход М. Фридена, с различными вариациями, находит всё большее применение в исследованиях идеологии [5].

Исходная проблема исследования идеологий, от которой отталкивается М. Фриден, заключается в эмпирически наблюдаемом противоречии между принципиальной многозначностью словаря политического языка, выявленной ещё в 50-х гг. XX в. шотландским политическим теоретиком У. Б. Гэлли [24], и предельной концептуальной догматичностью сформировавшихся идеологий [19, р. 142]. Этот разрыв неоднократно фиксировался исследователями [16], но так и не получил удовлетворительного объяснения. М. Фридену удалось разрешить это противоречие, предложив концепцию, в которой идеология была представлена одновременно как структурно-инерционная система, но потенциально открытая к любым изменениям, что, помимо инерционных характеристик, придавало этой системе динамические качества. Своеобразная элегантность решения М. Фридена заключается в признании отмеченного У. Б. Гэлли факта бесконечной многозначности политического словаря, сочетаемого с функциональной интерпретацией идеологии как системы временной фиксации конкретных значений политических концептов (свобода, равенство, братство, справедливость и др.) посредством деконтекстации – неологизма, предложенного М. Фриденом для объяснения временного лишения спорности (деполемизации) этих концептов в структуре идеологии. В таком контексте идеология понимается не как «сила угнетения», как это нередко предполагалось в марксизме и других критических теориях идеологии, но как «необходимое установление коннотации, без которого политическое высказывание становится неуправляемым. Деконтекстация (временная победа одного смысла над другим) основывается как на рациональных, так и на иррациональных предпочтениях, каждое из которых подержано эмоциями: гордостью, лояльностью, злостью или страхом, – а также зафиксировано сильным чувством приверженности» [22, р. 120].

При этом каждый раз идеология провозглашает «окончательное решение» в определении значений этих концептов, но по мере изменения политической повестки дня происходит новая реконфигурация концептов с новым сдвигом их значений. Поэтому идеологии следует понимать именно структурно, как концептуальную макрокомпозицию, или конфигурацию, в которой обретает своё значение ряд взаимно определяемых политических концептов: «Различные профили идеологий в значительной мере объясняются морфологией мыслительных тем, на которых эти идеологии строятся» [20, р. 88].

Таковыми строительными блоками идеологий выступают концепты. Концепты, согласно М. Фридену, представляют собой «сложные идеи, которые вносят порядок и значение в наблюдаемый или воспринимаемый ряд поли-

тических феноменов и сплачивают воедино набор родственных представлений» [20, р. 52]. Концепты – ключевые элементы структуры идеологий, поэтому их анализ производится по двум осям:

- вертикальное разделение на три уровня (микроэлементы концептов, собственно сами концепты и макроконцептуальные кластеры);
- горизонтальное разделение на ядерные, смежные и периферийные концепты.

Наибольшую известность морфологическому методу М. Фридена принесла именно горизонтальная схема структурирования идеологий, акцентирующая динамическое взаимодействие концептов внутри идеологии. В соответствии с такой схемой ключевыми в формировании идеологий являются ядерные, или центральные концепты. Именно они определяют «лицо» идеологии в политическом пространстве. В качестве примеров можно привести либерализм (ядерный концепт свободы), консерватизм (концепт естественного порядка), социализм (концепты равенства и социальной справедливости) и т. д. Эти концепты являются консолидирующими в конфигурации прочих концептов идеологии, однако сами они подвижны в двух смыслах. Прежде всего, один-единственный концепт практически никогда не бывает ядерным для идеологии, как правило, речь идёт о кластере близких по смыслу концептов, которые могут чередоваться по мере идейной эволюции идеологии. Кроме того, смысл ядерного концепта также постоянно подвергается деконтекстуализирующему воздействию из пояса смежных концептов. Ярчайший пример – либеральный концепт свободы, существенно изменивший собственный смысл (от «негативной свободы» в классическом либерализме к «позитивной свободе» в либерализме социальном) по мере изменения смежного пояса концептов.

Соответственно, смежные концепты, вторые по важности, являются вспомогательными при формировании идеологии. Их ключевая функция – деконтекстуализация ядерных концептов посредством осуществления структурной связи между ядерными концептами и периферией. Смежные концепты «не проявляются и не появляются во всех примерах рассматриваемой идеологии, но они важны в оформлении ядра и закреплении его – хотя бы на время – в более определённом и деконтекстуализированном семантическом поле» [22, р. 125]. В зависимости от реконфигурации этих концептов происходит деконтекстуализация ядра и, соответственно, изменяется общее направление эволюции идеологии. К смежным концептам обычно относят концепты собственности, солидарности, языка, нации, культуры, рынка, благополучия, демократии и т. д. Важно понимать, что концепты, занимающие смежное или периферийное место в структуре одной идеологии, могут быть ядерными в другой. И при этом смысл этих структурно разных концептов (которые могут обозначаться одним и тем же словом!) может существенно изменяться в процессе взаимной деконтекстуализации.

На периферии идеологии находятся концепты, которые обеспечивают её динамические отношения с внешним миром, позволяя оперативно реагировать на калейдоскопически меняющуюся политическую повестку дня. Они не оказывают непосредственного влияния на ядро идеологии, но вполне могут деконтекстизировать некоторые из смежных концептов, запуская цепную реакцию, впоследствии имеющую потенциал достигнуть ядра и изменить его значение. Но, как правило, все изменения локализуются на периферии и лишь частично воздействуют на смежный пояс. Этим обеспечивается структурная стабильность идеологии, сопротивляющаяся изменениям. Периферийные концепты бывают двух видов. Первые, названные М. Фриденом «маргинальными», изменяются очень быстро и напоминают электроны (сам М. Фриден не совсем удачно сравнивал их с бомбардированием планеты Земля метеоритами [22, р. 126]), в любой момент имеющие потенциал оторваться от своей орбиты вокруг ядра атома. Так, либеральный элитизм и империализм оказались такими периферийными концептами, которые практически исчезли из современных версий этой идеологии. Второй тип – «периметровая» (пространственно-временная) периферия. Она призвана реагировать на изменения в политической повестке дня, социальной и культурной сфере и т. д. Идеологии приходится реагировать на новые вызовы вроде терроризма, миграции, распространения наркотиков, порнографии, однополых браков и т. д. Такие «микроидеологические средства» оказывают иной раз существенное влияние на макроидеологические структуры, передавая энергию идеологического импульса через смежный пояс к ядру.

Таким образом, концепция идеологии М. Фридена включает следующие элементы:

- идеология представляет собой временное решение проблемы многозначности политического языка;
- идеология есть результат конкуренции концептов за доминирование как в структуре идеологии, так и в политической повестке дня;
- идеология – это конфигурация деконтекстизированных (лишённых спорности) значений политических концептов;
- в функциональном плане идеология решает задачи легитимации, интеграции, социализации, упорядочения, упрощения и ориентации действия;
- морфологический анализ идеологий предполагает изучение динамического взаимодействия ядерных, смежных и периферийных концептов;
- концепты представлены в виде «модульных» блоков, входящих в конфигурации различных идеологий и, в зависимости от их положения в структуре идеологии, изменяющих свой смысл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, по результатам проведённого анализа можно сделать следующие выводы. После знаковой работы американского антрополога К. Гирца [3] в исследованиях идеологий произошёл радикальный поворот: от интерпретации идеологии как средства искажения социальной реальности, маскировки конфликтов и противоречий, а также производства иллюзий, – к более сложной и многослойной трактовке идеологии как когнитивной матрицы группового сознания, как интерпретационного кода и символического инструмента установления и воспроизводства господства, но самое главное – как способа остановить и зафиксировать ключевые смыслы «разбегающейся» политической вселенной и тем самым решить проблему принципиальной многозначности словаря политического языка. Идеология теперь предстаёт не как «надувательство» в интересах правящих групп, а как интеллектуальная система, определённым образом конструирующая и структурирующая политическое пространство. Наконец, не менее важными были решение давно замеченного противоречия между наблюдаемым динамизмом идеологических структур и их же стремлением к систематизации и догматизации собственных концептуальных элементов, с одной стороны, и несоответствие между размытостью и гетерогенностью идеологизированного массового сознания и чёткой определённой «элитарного» бытия идеологии, – с другой. Однако решение этих довольно старых проблем теории идеологий отнюдь не поставило точку в исследованиях этого феномена. Перед специалистами в данной области встали новые проблемы, связанные с наблюдаемым ускорением социальной и политической жизни, медиатизацией политики, цифровизацией и прогрессирующей демократизацией коммуникативных процессов и, как следствие этих и других факторов, – паралича «больших» идеологических систем, патологически не успевающих реагировать на калейдоскопическое изменение повестки дня. По этой причине специалисты заговорили о новых феноменах – «идеолоноидах», якобы пришедших на смену «старым» идеологиям [23; 6]. Но решение этой проблемы – тема других исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон Р. Опиум интеллектуалов / пер. с фр. Л. Боровиковой. М.: АСТ, 2015. 480 с.
2. Вдовина И. С. Словарь Поля Рикёра (Часть вторая) // Философские науки. 2012. № 2. С. 103–118.
3. Гирц К. Идеология как культурная система // Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. О. В. Барсуковой, А. А. Борзунова. М.: РОССПЭН, 2004. С. 225–267.
4. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д. А. Ланина. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2013. 336 с.

5. Игры на идеологической периферии. праворадикальные установки студенческой молодежи Ростовской области / С. П. Поцелуев, М. С. Константинов, П. Н. Лукичев, Л. Б. Внукова, И. В. Николаев, А. В. Тупаев. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 396 с.
6. Константинов М. С. Идеологические в сознании молодежи Юга России // Политика в сетевом обществе: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Адлер, 16–19 мая 2019 г. / под ред. Е. В. Морозовой, А. И. Кольбы, И. В. Мирошниченко, А. В. Егупова. Краснодар: Вика-Принт, 2019. С. 133–137.
7. Липсет С. М. Политический человек: социальные основания политики / пер. с англ. Е. Г. Гендель, В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. М.: Мысль, 2016. 612 с.
8. Малинова О. Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. 2003. № 4. С. 8–30.
9. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Юрист, 1994. С. 7–276.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3 / под ред. Я. Б. Турчинса. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7–544.
11. Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. М. В. Вульфа. СПб.: Азбука-классика, 2005. 256 с.
12. Чутков С. С. Морфологический анализ идеологии М. Фридена // Метод. 2016. № 6. С. 333–346.
13. Юнг К.-Г. Психологические типы / пер. с нем. С. Лорие. М.: Университетская книга, 1998. 720 с.
14. Пікер П. Ідеологія та утопія. Київ: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. 386 с.
15. Bell D. The End of Ideology. New York: Free Press, 1962. 486 p.
16. Converse P. E. The Nature of Belief Systems in Mass Publics // Critical Review: A Journal of Politics and Society. 2006. Vol. 18. № 1–3. P. 1–74.
17. Eagleton T. Ideology: An Introduction. London; New York: Verso, 1991. 242 p.
18. Freedon M. The New Liberalism: An Ideology of Social Reform. Oxford: Clarendon Press, 1978. 292 p.
19. Freedon M. Political Concepts and Ideological Morphology // The Journal of Political Philosophy. 1994. Vol. 2. № 2. P. 140–164.
20. Freedon M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Oxford University Press, 1996. 592 p.
21. Freedon M. Ideology: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2003. 160 p.
22. Freedon M. The Morphological Analysis of Ideology // Freedon M. Oxford Handbook of Political Ideologies. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 115–137.
23. Freedon M. Loose Talk Costs... Nothing // The Journal of Political Ideologies. 2018. Vol. 23. № 1. P. 1–9.

24. Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956. Vol. 56. P. 167–198.
25. Konstantinov M. S. Political Ideology as an Evolutionary System (to the Theory of Cognitive-Ideological Matrices) // NORDSCI: International Conference on Social Sciences, 12–14 October 2020: Conference Proceedings. B. 2. Vol. 3. Business and Management. Law. Political Science. Sofia: SAIMA CONSULT LTD, 2020. P. 151–160.
26. Pareto V. The Mind and Society Vol. 2. Theory of Residues. New York: Harcourt: Brace and Company, 1935. 394 p.
27. Pareto V. The Mind and Society. Vol. 3. Theory of Derivations. London: Jonathan Cape, 1935. 556 p.
28. Ricoeur P. Du texte à l'action. Essais d'herméneutique II, Seuil, collection. Paris: Esprit, 1986. 414 p.
29. Ricoeur P. Can there be a scientific concept of ideology? // Bien J. Phenomenology and The Social Science: A Dialogue. The Hague: Martinus Nijhoff, 1987. P. 44–50.
30. Shils E. A. The End of Ideology? // Waxman Ch. I. The End of Ideology Debate. New York: Simon & Schuster, 1968. P. 49–63.
31. Thompson J. B. Studies in the Theory of Ideology. Cambridge; Berkeley: Polity: University of California Press, 1984. 356 p.
32. Thompson J. B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Cambridge; Oxford: Polity press, 1990. 362 p.

REFERENCES

1. Aron R. L'opium des intellectuels (Rus. ed.: Borovikova L., transl. *Opium intellektualov*. Moscow, AST Publ., 2015. 480 p.).
2. Vdovina I. S. [Dictionary of Paul Ricoeur (Part Two)]. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2012, no. 2, pp. 103–118.
3. Geertz C. [Ideology as a cultural system]. In: Geertz C. The Interpretation of cultures (Rus. ed.: Barsukova O. V., Borzunov A. A., transl. *Interpretatsiya kul'tur*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 225–267).
4. Destutt de Tracy A. L. C. Éléments d'idéologie. Idéologie proprement dite (Rus. ed.: Lanin D. A., transl. *Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Alma Mater Publ., 2013. 336 p.).
5. Potseluev S. P., Konstantinov M. S., Lukichev P. N., Vnukova L. B., Nikolaev I. V., Tupaeв A. V. *Igry na ideologicheskoi periferii. Pravoradikal'nye ustanovki studentcheskoi molodezhi Rostovskoi oblasti* [Games on the ideological periphery. Right-wing radical attitudes of student youth of the Rostov region]. Rostov on Don, Izdatelstvo YUNTZ RAN Publ., 2016. 396 p.
6. Konstantinov M. S. [Ideonoids in the minds of the youth of the South of Russia]. In: Morozova E. V., Kolba A. I., Miroshnichenko I. V., Egupov A. V., eds. *Politika v setevom obshchestve: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Adler, 16–19 maya 2019 g.* [Politics in the Network Society: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference

- with International Participation, Adler, May 16–19, 2019]. Krasnodar, Vika-Print Publ., 2019, pp. 133–137.
7. Lipset S. M. Political man. The Social bases of politics (Rus. ed.: Gendel E. G., Gaydamak V. P., Mateshuk A. V., transls. *Politicheskii chelovek: sotsial'nye osnovaniya politiki*. Moscow, Mysl Publ., 2016. 612 p.).
 8. Malinova O. Yu. [The Concept of Ideology in Contemporary Political Studies]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science], 2003, no. 4, pp. 8–30.
 9. Mannheim K. [Ideologie und Utopie]. In: Mannheim K. Diagnose unserer Zeit: gedanken eines Soziologen (Rus. ed: Levina M. I., tralsl. *Diagnoz nashego vremeni*. Moscow, Yurist Publ., 1994, pp. 7–276).
 10. Marx K., Engels F. [Kritik der neuesten deutschen Philosophie in ihren Repräsentanten Feuerbach, B. Bauer und Stirner]. In: Marx K., Engels F. Funktioniert. B. 3. (Rus. ed.: Turchins Ya. B., ed. *Sochineniya. T. 3*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1955, pp. 7–544).
 11. Freud Z. Totem und Tabu (Rus. ed.: Wulf M. V., transl. *Totem i tabu*. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2005. 256 p.).
 12. Chutkov. S. S. [Morphological analysis of the ideology of M. Freeden]. In: *Metod* [The Method], 2016, no. 6, pp. 333–346.
 13. Jung C. G. Psychologische Typen (Rus. ed.: Lorie S., transl. *Psikhologicheskie tipy*. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 1998. 720 p.).
 14. Пікер П. Ідеологія та утопія. Київ, ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. 386 с.
 15. Bell D. The End of Ideology. New York: Free Press, 1962. 486 p.
 16. Converse P. E. The Nature of Belief Systems in Mass Publics. In: *Critical Review: A Journal of Politics and Society*, 2006, vol. 18, no. 1–3, pp. 1–74.
 17. Eagleton T. Ideology: An Introduction. London, New York, Verso, 1991. 242 p.
 18. Freeden M. The New Liberalism: An Ideology of Social Reform. Oxford, Clarendon Press, 1978. 292 p.
 19. Freeden M. Political Concepts and Ideological Morphology. In: *The Journal of Political Philosophy*, 1994, vol. 2, no. 2, pp. 140–164.
 20. Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford, Oxford University Press, 1996. 592 p.
 21. Freeden M. Ideology: A Very Short Introduction. New York, Oxford University Press, 2003. 160 p.
 22. Freeden M. The Morphological Analysis of Ideology In: Freeden M. *Oxford Handbook of Political Ideologies*. Oxford, Oxford University Press, 2013, pp. 115–137.
 23. Freeden M. Loose Talk Costs... Nothing. In: *The Journal of Political Ideologies*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 1–9.
 24. Gallie W. B. Essentially Contested Concepts. In: *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1956, vol. 56, pp. 167–198.
 25. Konstantinov M. S. Political Ideology as an Evolutionary System (to the Theory of Cognitive-Ideological Matrices). In: NORDSCI: International Conference on Social Sciences, 12–14 October 2020: Conference Proceedings. B. 2. Vol. 3. Business and Management. Law. Political Science. Sofia, SAIMA CONSULT LTD, 2020, pp. 151–160.

26. Pareto V. The Mind and Society Vol. 2. Theory of Residues. New York, Harcourt, Brace and Company, 1935. 394 p.
27. Pareto V. The Mind and Society. Vol. 3. Theory of Derivations. London, Jonathan Cape, 1935. 556 p.
28. Ricoeur P. Du texte à l'action. Essais d'herméneutique II, Seuil, collection. Paris, Esprit, 1986. 414 p.
29. Ricoeur P. Can there be a scientific concept of ideology? In: Bien J. *Phenomenology and The Social Science: A Dialogue*. The Hague, Martinus Nijhoff, 1987, pp. 44–50.
30. Shils E. A. The End of Ideology? In: Waxman Ch. I. *The End of Ideology Debate*. New York, Simon & Schuster, 1968, pp. 49–63.
31. Thompson J. B. Studies in the Theory of Ideology. Cambridge, Berkeley, Polity, University of California Press, 1984. 356 p.
32. Thompson J. B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Cambridge, Oxford, Polity press, 1990. 362 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 31.07.2022

Статья размещена на сайте: 18.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Константинов Михаил Сергеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета; e-mail: konstantinov@sfedu.ru

Mikhail S. Konstantinov – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Theoretical and Applied Political Science, the Institute of Philosophy and Social & Political Sciences, Southern Federal University; e-mail: konstantinov@sfedu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Константинов М. С. Когнитивный подход к исследованию политических идеологий // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Konstantinov M. S. Cognitive approach in the study of political ideologies. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru